

УДК 81'27

ББК Ш100.3

ГСНТИ 16.21.33

Код ВАК 10.02.04

М. Х. Хасуева
Грозный, Россия

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ТАКТИКИ
СТРАТЕГИИ СУГГЕСТИИ
В МЕДИАТЕКСТАХ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Аннотация. Рассмотрены метафорические тактики стратегии суггестии в медиатекстах политического дискурса. Выявлены основные метафорические модели, используемые в медиатекстах политического дискурса.

Ключевые слова: политический дискурс; медиатекст; суггестия; pragматическая стратегия; тактики; концептуальная модель; метафора.

Сведения об авторе: Хасуева Мадина Хамзатовна, аспирант, кафедра английского языка.

Место работы: Чеченский государственный университет.

Контактная информация: 364037, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. Киевская, 33.
e-mail: hasmadi76@mail.ru.

Политический дискурс является сложным социальным явлением, которое проявляется в обществе намного чаще, чем другие типы дискурсов. Это подтверждает и количество работ, посвященных его анализу. Прежде чем перейти к определению производного понятия «политический дискурс» и его основных функций и характеристик, представляется необходимым определить базовые понятия. Дискурс представляет собой многозначный объект современных исследований и на протяжении многих лет является одной из центральных проблем языкоznания. Будучи явлением промежуточного характера между речью и общением, языковым поведением с одной стороны и фиксируемым текстом — с другой, дискурс рассматривается не только с позиции лингвистики, но и в рамках социолингвистики, прагмалингвистики, лингвофилософии.

Специалисты, занимающиеся изучением дискурса, рассматривают его соотношение с текстом; многие исследователи склоняются к противопоставлению процесса результата. Характеристиками дискурса при таком подходе выступают деятельность, процессуальность, связанная с реальным речепроизводством (*discourse-as-process*), а текст, являющийся продуктом речепроизводства, представляет собой определенную завершенную и зафиксированную форму (*text-as-product*) [Brown, Yule 2008: 24; Бисималиева 1999]. Текст и дискурс связаны отношениями реализации: дискурс находит свое выражение в тексте [Карасик 2007].

В. З. Демьянков, развивая интерпретативный подход к дискурсу, рассматривает его как предложения или их фрагмент, содержание которых концентрируется вокруг некоторого «опорного» концепта, создавая общий контекст —

THE METAPHORICAL TACTICS
OF THE SUGGESTION STRATEGY
IN THE MEDIA-TEXTS
OF POLITICAL DISCOURSE

Abstract. The aim of the article is to describe the metaphorical tactics of the suggestion strategy in the media-texts of political discourse. The basic metaphorical models used in political media-texts have been outlined.

Key words: political discourse; media-text; suggestion; pragmatic strategy; tactics; conceptual model; metaphor.

About the author: Khassueva Madina Khamzatovna, Post-graduate Student, Chair of the English Language.

Place of employment: Chechen State University.

«топик дискурса» [Демьянков 1982: 7]. Данная трактовка дискурса уточняется исследователем в одной из его новых работ, где дискурс представляется «реконструируемым» интерпретатором мысленным миром, в котором описываются реальное и желаемое, нереальное и т. п. положение дел, приводятся характеристики действующих лиц, объектов, времени, обстоятельств событий, а также домысливаются детали и оценки [Демьянков 2005: 49—50].

Ю. С. Степанов обосновывает идеологический подход к дискурсу, считая, что дискурс — это особые тексты, за которыми стоит особый мир, т. е. особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика [Степанов 1995: 44—45]. Данный подход в некотором смысле близок концепции П. Серио, который рассматривает дискурс как систему ограничений, накладываемых на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции. Например, когда говорят «феминистский дискурс», подразумевают не отдельный частный корпус, а определенный тип высказываний, присущий феминисткам [Серио 1993: 83—70].

У Г. Н. Манаенко дискурс выступает в виде конструкта, включающего четыре компонента:

- среда (тип социального события, его цель, социально-идеологические условия, обстановка);
- социальный субъект (социальный статус, ролевые отношения, социальная активность участников, их личные отношения);
- содержание (интенции и цели, мировоззренческие позиции, общий фонд знаний, знания правил и норм коммуникации);
- текст (тема речевого общения, отнесенность к какому-либо речевому жанру, компози-

ционное построение высказываний, специфика отираемых языковых средств для речевого взаимодействия) [Манаенко 2003: 37].

И. Гофман, обосновывая драматургический подход к дискурсу, сравнивает повседневное поведение с театральным представлением. Исследователь выделяет понятия «ключ» (key) и «переключение» (keying), где «ключ» представляет собой набор конвенций, позволяющий некоторому действию трансформироваться в иное действие, воспринимающееся иначе, несмотря на все его сходство с первым. Так, обычное действие, перенесенное на сцену, становится частью спектакля и т. п. Пародия на некоторый текст или коммуникативное действие, ставшее частью учебного процесса, называется ученым «переключением». По мнению исследователя, переключение является важной составляющей естественного общения, так как любой коммуникативный акт пронизан ассоциациями с другими подобными актами и отличается от них. В. И. Карасик считает, что драматургический подход к пониманию коммуникации, предложенный исследователем, позволяет акцентировать в дискурсе меняющееся позиционирование ситуантов (участников коммуникации) [см. Карасик 2007: 344].

У В. Е. Чернявской, к трактовке которой мы склонны присоединиться в рамках данной работы, дискурс — это коммуникативное событие, которое может фиксироваться как в письменных текстах, так и в устной речи, может осуществляться в определенном когнитивно и типологически обусловленном коммуникативном пространстве, а также в совокупности текстов, относящихся к одной и той же тематике [Чернявская 2001: 19].

В современной отечественной лингвистике большинство исследований типов дискурса сводятся к трем подходам — социолингвистическому (КТО говорит), прагмалингвистическому (КАК говорят), тематическому (О ЧЕМ говорят). Для нашей работы представляет интерес социолингвистический подход, так как политический дискурс выделяется на основании социолингвистического критерия, в котором доминантой является характеристика участников дискурса. При социолингвистическом подходе выделяются личностроенные и статусно ориентированные типы общения. Личностроенное общение имеет место в тех случаях, когда коммуниканты раскрываются друг другу и видят друг в друге личности. Статусно ориентированное общение протекает в ситуации, когда общающиеся воспринимают друг друга не как личностей, а как представителей определенной группы общества в каком-то одном качестве (продавец—покупатель, учитель—ученик и т. д.). Личностроенный дискурс имеет две разновидности: бытовое и бытийное общение (философский или художественный дискурс) и институциональный и неинституциональный дискурс. В рамках инсти-

туционального дискурса противопоставляются сложившиеся в обществе, исторически обусловленные, и ограниченные типы дискурса. Неинституциональный же дискурс является общением между незнакомыми людьми (Простите, Вы не подскажете, как пройти к метро?) [Карасик 2007: 350—352].

Политический дискурс представляет собой явление, которое имеет особое значение в жизни общества. Вместе с тем политический дискурс является сложным объектом исследования, не поддающимся однозначному определению, так как попадает в поле зрения разных дисциплин — политологии, социальной психологии, лингвистики, — связанных с анализом формы, задач и содержания дискурса, употребляемого в определенных («политических») ситуациях [Демьянков 2001: 118].

В. Н. Базылев рассматривает политический дискурс как вариант фатической речи (ее жанровую разновидность), принимая во внимание то, что частные цели политического дискурса (помимо собственно информационного содержания) подчинены начальному контактному импульсу, а информативная задача высказывания становится вторичной. Для того чтобы адресат «правильно» интерпретировал замысел адресанта (автора текста), необходима апелляция к коллективным знаниям и представлениям. Если же речь идет о тексте, имеющем отношение к политической сфере, то, вероятно, должна иметь место апелляция к **когнитивной базе, поскольку политики и политические обозреватели обращаются** (во всяком случае, в идеале должны стремиться к этому) ко всему населению страны, а не к какой-то части [Базылев 1997].

А. Н. Баранова и Е. Г. Казакевич подчеркивают институциональность политического дискурса, а сам дискурс трактуют как совокупность дискурсивных практик, использующихся в политических дискуссиях [Баранов, Казакевич 1991: 6]. Участниками институционального дискурса выступают не конкретные люди, а представители одного или разных социальных и политических институтов (правительства, парламента, общественной организации, муниципалитета).

При семиотическом подходе политический дискурс рассматривается как своеобразная знаковая система, в которой модифицируются семантика и функции разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий [Шейгал 2000: 3]. Политический дискурс также трактуется как институциональное общение, которое, в отличие от личностроенного, характеризуется употреблением определенной системы профессионально ориентированных знаков, т. е. имеет собственный подъязык (лексика, фразеология и паремиология). С учетом значимости ситуативно-культурного контекста, суть политического дискурса можно представить формулой «дискурс = подъязык + текст + контекст» [Шейгал 2000: 15].

В. З. Демьянков отмечает следующие критерии политического языка, отличающие его от обычного:

- политическая лексика терминологична, а обычные, не «чисто политические» языковые знаки, употребляются не всегда так же, как в обычном языке;
- специфическая структура дискурса — результат своеобразных речевых приемов;
- специфична и реализация дискурса — звуковое или письменное его оформление.

Исследователь выделяет в рамках политической филологии политическую лингвистику и указывает, что ее предметом являются:

- синтаксика, семантика и прагматика политических дискурсов;
- инсценировка и модели интерпретации этих дискурсов, в частности именования политологически значимых концептов в политическом употреблении в сопоставлении с обыденным языком [Демьянков 2001: 117—118].

Общественным предназначением политического дискурса является внушение адресатам (гражданам сообщества) необходимости «политически правильных» действий и/или оценок [Демьянков 2001: 127].

С другой стороны, П. Б. Паршин подвергает сомнению само существование феномена политического дискурса, полагая, что языковые черты, отличающие политический дискурс, не столь многочисленны и с большим трудом поддаются идентификации, а обычные лексические и грамматические маркеры, по которым можно выделить политический дискурс как своеобразное явление, не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических языков. П. Б. Паршин под политическим языком подразумевает не язык, точнее, не совсем и не только язык, а идиополитический дискурс, т. е. «своеобразие того, что, как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [Паршин 2001: 194].

В анализе политического дискурса, предпринятом Т. ван Дейком, также отражается эта проблема. Исследователь хотя и допускает существование стилистических, тематических и интеракциональных маркеров, способствующих выявлению отличительных признаков политического дискурса, не представляет возможным создание какой-либо типологии политического дискурса на основе только вербальных свойств, полагая, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст, а вовсе не сам текст.

Ван Дейк характеризует политический дискурс как совокупность жанров социального дюмена политики, противопоставляет его образовательному дискурсу, дискурсу средств массовой информации и юридическому дискурсу, подчеркивая при этом, что дюмен политики имеет довольно расплывчатые границы, так как сам термин «политика» имеет разные дефиниции в различных источниках [см. в: Паршин 2005].

Мы считаем, что политический дискурс обладает такими коммуникативными особенностями, как институциональность, конвенциональность и публичность (официальность).

Располагаясь между двумя полюсами — функционально обусловленным социальным языком и жаргоном определенной группы со свойственной ей идеологией, — политический язык, по мнению Р. Водак, должен отвечать противоречивым характеристикам, в частности: доступность для понимания и ориентированность на определенную группу [Водак 1997: 22]. Исследователь считает, что основными функциями политического дискурса являются: 1) персузивная (убеждение), 2) информативная, 3) аргументативная, 4) персузивно-функциональная (создание убедительной картины лучшего устройства мира), 5) делимитативная (отличие от иного), 6) группово-выделительная (содержательное и языковое обеспечение идентичности).

Наряду с информационной функцией также выделяются: контролирующая функция (манipуляция сознанием и мобилизация к действию), интерпретационная функция (создание «языковой реальности» поля политики), функция социальной идентификации (дифференциация и интеграция групповых агентов политики) и агональная функция. Именно первая из указанных функций находится в фокусе нашего внимания.

Е. И. Шейгал считает, что для политического дискурса базовой функцией является инструментальная — борьба за власть, владение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение. Актуальны также регулятивная, референтная и магическая функции [Шейгал 2000: 35].

Г. Сайдел подчеркивает конфликтность политического дискурса, утверждая, что он одновременно должен выполнять многие функции и реализовывать многие интенции. Так, исследователь считает, что партийная программа привана убеждать, агитировать, пропагандировать (персузивная функция), при этом должна быть очевидной связь каждого конкретного пункта программы с убедительной идеологией данной партии или группы, т. е. каждое требование, каждый поступок должны быть аргументативно связаны с ценностями, традициями и идеологией (аргументативная функция) [см. в: Филинский 2002].

Именно перспективные программы партий не должны растворяться в отдельных обещаниях, ориентированных лишь на сегодняшнюю политическую ситуацию: утопия, модель лучшего другого мира (в соответствии с определенными убеждениями) также должна быть эксплицирована (персузивная функциональность). И наконец, должно быть ясно, почему собственная программа превосходит программы оппонентов. Это реализуется чаще всего в процессе (риторико-диалогической) дискуссии с другими направлениями, убеждениями и идеологиями

(дистанцирующая функция). В результате такого дистанцирования реализуется следующая функция — функция группового объединения. Программа должна в языковом и содержательном плане воплощать идентичность данного политического направления, а также формировать ее [Водак 1997: 23].

П. Чилтон и К. Шеффнер выделяют четыре типа стратегических функций политического дискурса: принуждение; сопротивление, оппозиция, протест; симуляция; легитимизация и делегитимация [см. в: Филинский 2002].

Е. И. Шейгал, анализируя существующие работы в области дифференциации функций политического дискурса, применяет аналогичный принцип и выделяет восемь функций в рамках инструментальной функции:

- функция социального контроля (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидов, т. е. манипуляция общественным сознанием);
- функция легитимизации власти (объяснения и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);
- функция воспроизведения власти (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);
- функция ориентации (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума);
- функция социальной солидарности (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);
- функция социальной дифференциации (отчуждение социальных групп);
- агональная функция (инициирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протesta против действий властей);
- акциональная функция (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпление бдительности) [Шейгал 2000: 36].

Наиболее значимым проявлением инструментальной функции языка политики, которое должно стимулировать к совершению действий, является мобилизация. Осуществление стимулирования может происходить как в форме прямого обращения (в таких жанрах, как лозунги, призывы и прокламации, законодательные акты), так и посредством создания соответствующего эмоционального настроя (надежды, страха, гордости за страну, уверенности, чувства единения, циничности, враждебности, ненависти).

Некоторые исследователи упоминают магическую («заклинательную») функцию, которую можно рассматривать как частный случай регу-

лятивной функции языка. Магическая функция речи универсальна как для религиозного, так и для современного политического дискурса, так как все известные в истории культурные ареалы сохраняют в той или иной степени традиции религиозно-магического сознания. В политическом дискурсе из проявлений магической функции табуированная лексика и эвфемизмы являются наиболее значимыми [Супрун 1996; Мечковская 1994; Барт 1994].

Наряду с магической функцией упоминается тесно с ней связанная функция конструирования языковой реальности, т. е. «креативная функция». Она состоит в характеризации положения дел, при которой языковые сущности оказываются первичными по отношению к сущностям внеязыковым. В процессе языковой интерпретации мира возможно установление приоритета языка над действительностью. Так, в российском политическом дискурсе многие «социалистические» явления появились сначала как словесные конструкты, а затем — как онтологические явления (НЭП, ГОЭРЛО, субботник, перестройка). Креативная функция языка обусловлена как объективными, так и субъективными факторами, непосредственно связанными с относительным когнитивным знанием о мире и сознательным искажением действительности [Филинский 2002].

Маркированность политического дискурса таким тематическим компонентом, как «борьба за власть», предполагает создание дискурсивной среды, соответствующей основным ценностям (мнения, суждения, верования, предубеждения) аудитории. А. А. Филинский считает, что субъектом политики (политический деятель, политическая партия или движение) сознательно используются определенные когнитивные установки для максимального соответствия дискурсивных сред (своей и аудитории) [Филинский 2002]. Исходя из этого, мы считаем, что основными функциями политического дискурса являются манипуляционная и ориентирующая, которые впоследствии могут делиться на функцию социальной солидаризации, агональности и т. д.

Как известно, институциональный дискурс выделяется на основе двух признаков, являющихся системообразующими: цели и участники общения. Системообразующими признаками политического дискурса признаются институциональность, специфическая информативность, смысловая неопределенность, фантомность, фидеистичность, эзотеричность, особая роль фактора массмедиа, дистанцированность, авторитарность, театральность, динамичность. Имея градуальный характер, эти признаки могут быть представлены в виде условной шкалы тоталитарности/демократичности, на которой каждый тип политического дискурса занимают определенное место. Как отмечает Е. И. Шейгал, демократический политический дискурс, приближаясь к полюсу научной коммуникации, харак-

теризуется информативностью, рациональностью, трезвым скепсисом, логикой аргументации, ясностью, диалогичностью, интимизацией общения, динамичностью, приматом референтной функции, реальным денотатом, тогда как тоталитарный, будучи близок к полюсу религиозного общения, имеет такие характеристики, как ритуальность, эмоциональность, фидеистичность, суггестивность, примат побудительной функции, фантомный денотат, эзотеричность, монологичность, авторитарность общения, консерватизм [Шейгал 2000: 73].

Е. И. Шейгал считает, что современный язык политики отличает среда его существования — *средства массовой информации* (СМИ), и, в силу ориентации политического общения на массового адресата, этот язык лишен корпоративности, присущей любому специальному языку. Исследователь показывает, что политический дискурс пересекается с другими типами дискурса — юридическим, научным, массово-информационным, педагогическим, рекламным, религиозным, спортивно-игровым, бытовым и художественным.

Политический дискурс многомерен и включает такие жанры, в которых в максимальной степени проявляется основная функция политической коммуникации (борьба за власть), как парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование. Переплетение этой функции с функциями других видов дискурса в периферийных жанрах приводит к слиянию (смешиванию) характеристик разных видов дискурса в одном тексте (интервью с политологом включает элементы публицистического, научного и политического видов дискурса). Исследователь изображает пространство между дискурсом массмедиа и политическим дискурсом в виде шкалы, включающей по мере нарастания политического содержания следующие тексты: памфлет, фельетон, проблемная политическая статья, написанная журналистом, колонка комментатора, передовая статья, репортаж (со съезда, митинга и т. д.), информационная заметка, интервью с политиком, проблемная аналитическая статья, написанная политиком, полемика (теледебаты, дискуссия в прессе), речь политика, политический документ (указ президента, текст закона, коммюнике) [Шейгал 2000].

В связи с тем, что адресаты политического дискурса имеют преимущественно роль адресата-наблюдателя, перед которым политики разыгрывают свои спектакли, надеясь на успех, правомерно говорить о театральности политической коммуникации. Поскольку массы выполняют созерцательную роль в политике, получая информацию о событиях политической жизни из СМИ, для сохранения и завоевания новой аудитории СМИ фильтруют сведения, отбрасывая и изменяя «скучные» факты, касающиеся людей и событий, подправляя и «упаковывая» их соответствующим образом. Все это способствует «увеличению значения „символической

политики“, „политики театра“, основанных на образах или имиджах политических деятелей, специально сконструированных на потребу господствующим умонастроениям и вкусам» [Гаджиев 1995: 389]. Это приводит к тому, что избирательные кампании становятся своего рода популярными спектаклями или же спортивными репортажами со своими проигравшими, победителями, напряженной гонкой, борьбой. От политика требуется умение быть актером, быстро переключаться при необходимости с одной роли на другую. Восприятие политика происходит на фоне его политических действий, или в наборе сюжетов, которые составляют базу политического нарратива [Шейгал 2000].

Границы разновидностей институционального общения весьма условны. Быстрое изменение жанров дискурса, происходящее в настоящее время, обусловлено прежде всего активной экспанссией массово-информационного общения в повседневную жизнь людей. Благодаря телевидению и компьютерной коммуникативной среде стремительно стирается грань между обыденным и институциональным общением, а в рекламном дискурсе доминирует игровой компонент общения, возникают транспонированные разновидности дискурса (например, телемост в рамках проектов народной дипломатии, телевизионная имитация судебных заседаний для обсуждения актуальных проблем общественной жизни, пресс-конференция как ролевая игра в учебном дискурсе). Телевизионные дебаты претендентов на выборную государственную должность приобретают характер зрелищного мероприятия, в котором сценические характеристики общения преобладают над характеристиками политического дискурса.

СМИ играют ведущую роль в формировании и пропаганде определенных политических образов, формирующихся в зависимости от политических пристрастий и пропагандистских задач журналистов и политологов, которые транслируют свою позицию посредством медиатекста. Медиатекст, будучи одной из самых распространенных форм современного бытования языка [Добросклонская 2008], является важнейшим участником политической коммуникации, обеспечивая политикам канал связи с широкими массами, выступая источником распространения политической информации, ориентируя общество в оценке мировых политических событий, формируя общественно-политическое сознание. М. Р. Желтухина подчеркивает ведущую роль СМИ в формировании наших представлений о политическом мире: мы черпаем знания о политике из СМИ, и ими же регулируется наше последующее поведение в этой области [Желтухина 2003: 49]. В условиях глобализации основным способом борьбы за власть признаются манипуляционные ходы политиков. Существует большой арсенал средств воздействия на массовую аудиторию, к которым прибегают как политики, так и журналисты для соз-

дания нужного им образа, и одним из самых коротких путей к подсознанию является языковая суггестия.

Суггестия (внушение), будучи необходимым компонентом человеческого общения, может также выполнять роль намеренно организованного вида коммуникации (манипуляционный), предполагающего некритическое восприятие сообщаемой информации, противоположной сложившимся убеждениям, формирующегося при помощи вербальных (слово, текст, дискурс) и невербальных (мимика, жесты, действия другого человека, фон) средств. Это вид манипуляционного воздействия, основанного не на информировании и логической аргументации, а на внушении [Киклевич, Потехина 1998; Мурzin 1998], т. е. подсознательное, завуалированное (скрытое) воздействие, связанное со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации [Черепанова 1995]. Спецификой суггестивной функции языка признается *тождество слова и действия*. Б. Ф. Поршнев рассматривает суггестию как возможность навязывания любых действий, а также возможность их обозначать [Поршнев 1974]. Суггестия представляет собой процесс речевого воздействия на психологическую сферу слушающего, в результате которого осуществляется управление человеком, подчинение его своей воле, влияние на его образ мыслей, установки, намерения, поведение и навязывание готового мнения адресату [Платонов 1984; Мясищев 1995; Черепанова 1995; Анисимова, Гимпельсон 1998: 78], а также апелляция к эмоциям, чувствам и привычкам аудитории [Ножин 1989].

В ходе речевого взаимодействия суггестор (адресант) при помощи речи регулирует деятельность суггерента (партнера по коммуникации), производя необходимую для себя коррекцию ценностей, толкая его к совершению определенных действий, влияя на принятие решений или меняя его картину мира [Репина 2001: 21]. Для осуществления этой цели речь суггестора насыщается эмоционально, затрагивает таким образом чувства суггерента, а также апеллирует к его основным ценностям, что достигается преимущественно языковыми средствами. Суггестором используются специальные словесные формулы для внедрения в психологическую сферу суггерента, которые впоследствии становятся активными элементами его сознания и поведения.

Мы разделяем мнение Р. Блакара, утверждавшего, что выразиться «нейтрально» невозможно, так как даже неформальный разговор имеет своей целью «осуществление власти», а именно воздействие на восприятие и структурирование мира другим человеком [Блакар 1987: 5]. Считается, что чем воздействие эмоциональнее, тем оно эффективнее: прерывая повторение предшествовавшей ему информации в рабочей памяти, эмоциональный

образ хорошо запоминается и служит организационной схемой для построения в памяти представления о событии [Желтухина 2003: 42—43]. Посредством емких концептов, ярких эмоциональных «картинок» и «образов», которые всегда понятны для слушателей и находят у них живой отклик, осуществляется суггестивное воздействие. Такой способ воздействияносит преимущественно осознанный характер, так как «степень воздействия связана с тем, насколько легко личность поддается внушению, с ее внутренним состоянием и авторитетностью выступающего» [Кохтев, Розенталь 1988: 44].

Исходя из вышеизложенного, правомерно сказать, что суггестия — это глобальная прагматическая стратегия, которая реализуется в медиатекстах политического дискурса рядом частных прагматических тактик. Стратегия понимается как способ планирования действия, прогноза возможных ситуаций и поведения людей, обусловливаемого направлением хода событий: «Все виды стратегий объединяются тем, что они представляют своего рода гипотезы относительно будущей ситуации и обладают большей или меньшей степенью вероятности» [Иссерс 2006: 55].

В нашей работе стратегия трактуется как стереотипная модель речевого воздействия, создаваемая посредством определенного набора тактик, которые, в свою очередь, представляют собой механизм ее реализации на языковом уровне. Одной из самых эффективных тактик суггестии, на наш взгляд, является метафоризация вследствие ее экспрессивной насыщенности и способности создавать эффективные образы, легко усваиваемые реципиентом. Указанную тактику представляется адекватным представить в виде частотно реализуемых в медиатекстах политического дискурса метафорических моделей. Метафорическая модель представляет собой некую схему связи между понятийными сферами, существующую и/или складывающуюся в сознании носителей языка [Чудинов 2007: 130]. По мнению А. А. Федосеева, метафоризация является важнейшим средством выражения оценки общественно-политической ситуации [Федосеев 2004: 12]. А. А. Анисимова считает политическую метафору одним из основных инструментов, эффективно использующихся политическими субъектами [Анисимова 2006: 42—44].

В рамках когнитивной парадигмы метафора понимается как особая форма мышления, формирующая представление об объекте, а также предопределяющая способ и стиль мышления о нем. Х. Ортега-и-Гассет, указывая на двойственность метафоры, отмечает, что она служит не только наименованию, но и мышлению; метафора делает доступной не только нашу мысль для других, но через нее объект становится доступным для наших мыслей; это средство выражения и важное орудие мышления, посредством которого мы постигаем самые

глубинные участки нашего концептуального поля. Мысль, благодаря близким и понятным объектам, получает доступ к понятиям, которые ускользают от нашего понимания [Ортега-и-Гассет 1990: 68].

П. Рикер также указывает на это, подчеркивая свойства метафоры, позволяющие увидеть общую процедуру создания понятий. Сила воображения, дающая способностью видеть и устанавливать аналогии, создает метафору. Необходимым этапом в создании новых единиц знания является напряжение между одинакостью и различием логической структуры подобия. При этом установление новых подобий сопровождается нарушением предшествующей категоризации и переструктурированием семантических полей [Рикер 1990: 431].

Все это является следствием того, что метафора связывает две понятийные сферы: хорошо структурированную и известную участникам коммуникации исходную концептуальную сферу («область-источник» в терминологии Дж. Лакоффа, М. Джонсона, И. М. Кобозевой; у А. Б. Ряпосовой, А. П. Чудинова — «сфера-источник») и новую концептуальную сферу («область-цель» у Дж. Лакоффа, М. Джонсона и «сфера-мишень» в терминологии А. Б. Ряпосовой, А. П. Чудинова, И. М. Кобозевой), требующую категоризации, объяснения, концептуализации. В процессе метафоризации происходит «концептуальное наложение» одной понятийной сферы на другую, состоящее в том, что когнитивная структура, прототипически связанная с некоторым языковым выражением, переносится из той содержательной области, к которой она принадлежит, в другую область [Кобозева 2002]. Следовательно, предполагается определенное сходство между свойствами сферы-источника/области-источника и сферы-мишени/области-цели. И. М. Кобозева определяет концептуальную метафору как «способ думать об одной области через призму другой, перенося из области-источника в область-мишень те когнитивные структуры, в терминах которых структурировался опыт, относящийся к области-источнику» [Кобозева 2000: 171].

Таким образом, в русле когнитивной лингвистики метафора выступает не только как троп, но как тип мышления, прокладывающий путь к неизвестному и облегчающий подступы к нему, позволяя мыслить его в категориях известного. Следует также отметить, что концептуальная метафора, активно участвуя в познавательных процессах и являясь важным средством передачи информации, выполняет еще и прагматическую функцию, оказывая воздействие на общественное сознание, моделируя существующую в сознании адресата картину мира, побуждая его к выполнению определенных действий. Кроме того, метафора обладает таким свойством, как экспрессивность, которое помогает живо и выразительно представить описываемую действительность.

Эта идея отражается в подходе Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которые связывают истоки языковой метафоры с особенностями человеческого мышления и мировосприятия, закономерностями возникновения метафорических образов и понятий как в общечеловеческом плане, так и в отношении мировидения определенной языковой культуры [Лакофф, Джонсон 2008]. Посредством концептуальных метафор в языке формируются новые понятия и языковые смыслы, основанные на уже имеющихся, что создает возможность их манипулятивного использования. Употребляя определенную метафорическую модель, говорящий выстраивает в сознании адресата такую картину мира, которая ему выгодна. Большинство ученых (А. Н. Баранов, И. М. Кобозева, А. П. Чудинов и др.) признают власть метафоры в политическом дискурсе и отмечают ее способность влиять на сознание слушателя. Именно благодаря метафоре заменяется или изменяется модель мира, имеющаяся у человека, на ту, которая умело построена политиком.

Традиционной стратегией, использующейся в политическом дискурсе, является стратегия «дискредитации», которую мы определяем как подрыв доверия к кому- или чему-либо, уменьшение авторитета, значения кого- или чего-либо. О. С. Иссерс считает, что единственность стратегии дискредитации следует оценивать по результатам речевого воздействия, когда адресант становится объектом оскорблений, насмешки или подвергается незаслуженному оскорблению [Иссерс 2006: 160—162]. Она наиболее ярко и продуктивно проявляется в тактиках критики и компрометации действий, обвинения, косвенной «оценки» действий, косвенного намека на «негативные» действия, «навешивания ярлыков» и др., т. е. в таких тактиках, которые в наибольшей степени помогают добиться эффективного манипулятивного воздействия на адресата, поскольку способствуют созданию ощущения правоты адресанта политической коммуникации. Исследователи выделяют такие языковые маркеры данной стратегии, как номинации с негативной окраской, оценочные эпитеты с отрицательным компонентом значения, дейктические знаки, риторические вопросы, фамилии в нарицательном значении и множественном числе, сравнение, новые концептуальные понятия, восклицательные предложения, ссылку на некий компетентный источник, градацию, метафорические модели с негативной окраской [Иссерс 2006; Паршина 2007].

Среди многообразия языковых средств, участвующих в воплощении обеих тактик стратегии дискредитации, выделяются метафорические модели (ММ) с негативной окраской, которые призывают политический статус противника.

Основываясь на классификации А. П. Чудинова [Чудинов 2001], мы выделили несколько моделей метафорического переноса, характер-

ного для политического дискурса, охарактеризованные ниже.

АНТРОПОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ (составляет 33 % от общей выборки). Данную модель можно усмотреть в следующем примере: *It's not just politics that's been contaminated by the viruses*

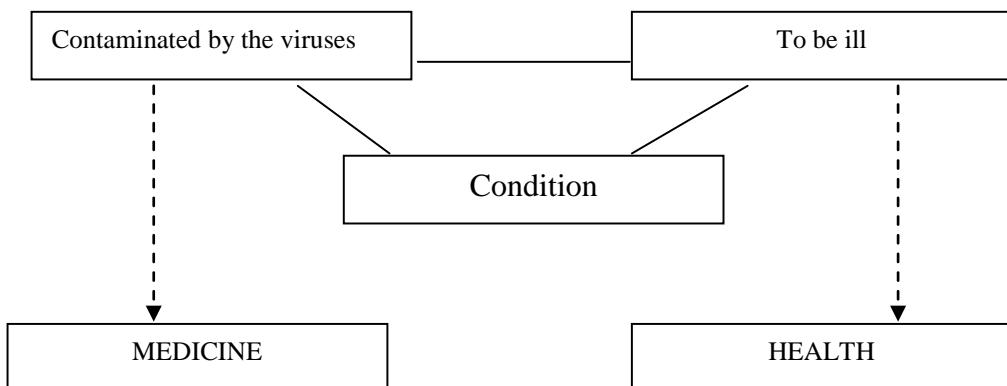

Рис 1

*Yet despite having proved himself a cunning politician, he is said to be **insecure**, even **paranoid**;...Europe's **most disruptive dictator** since the fall of the Berlin Wall;...very bad possibility is that Milosevic resolves to become **the Saddam Hussein of the Balkans**; As **engineer of the brutality**, he is both the man we have to deal with and the man we want no dealings with whatsoever [Time. 05.04.1999].* В приведенном примере с помощью нагнетания синонимов с отрицательными коннотациями (опасный, сумасшедший, инженер жестокости, самый беспощадный диктатор), а также проведения исторических параллелей (Саддам Хуссейн, Гитлер (Берлинская стена)) создается вербальная иллюстрация концепта «ЗЛА», сосредоточенного в образе одного

or rudeness, self-indulgence, and just plain nastiness [USNews. 24.09.2009]. Употребление слов, заимствованных из области медицинской терминологии, позволяет представить политическую ситуацию как живой зараженный вирусом организм, которому необходимо лечение.

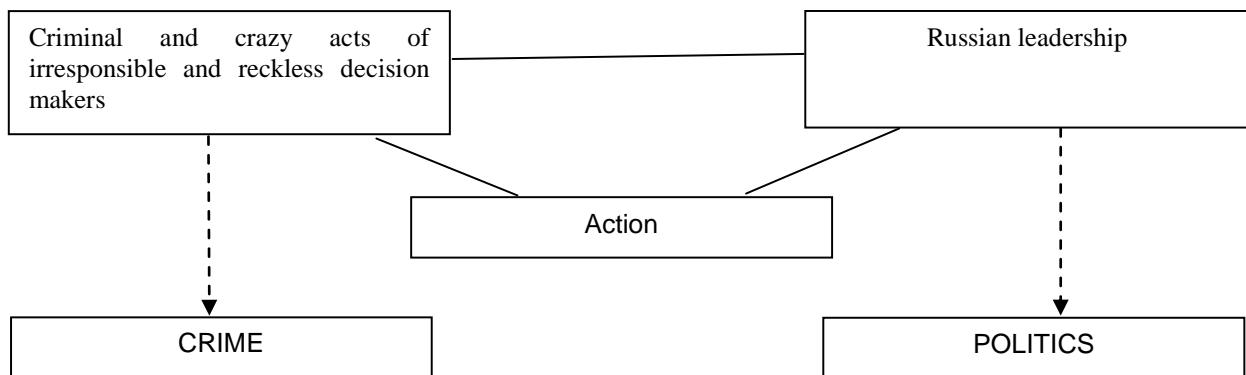

Рис. 2

СОЦИОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ (29 % от общей выборки). *He (Saakashvili) has repeatedly pledged to bring the region back under Tbilisi's control, but **gamble** appears to fail.* В этом примере модель реализуется посредством употребления лексической единицы (ЛЕ) *gamble*, при помощи которой действия грузинского президента сравниваются с азартной игрой. Сюда же можно отнести и следующий пример: *The Obama administration has taken a **big gamble***

with its surge, and everything is being done with an eye to July 2011, when the administration has promised to begin its withdrawal [The Newsweek. 12.04.2010] (см. рис. 3).

Many problems lie ahead, but eliminating Saddam's regime is a huge leap forward for Iraq [Newsweek. 21.04.2003]. Использованная в данном примере ЛЕ *huge leap forward* представляет действия Америки в Ираке в выгодном свете, как большой прогресс для Ирака.

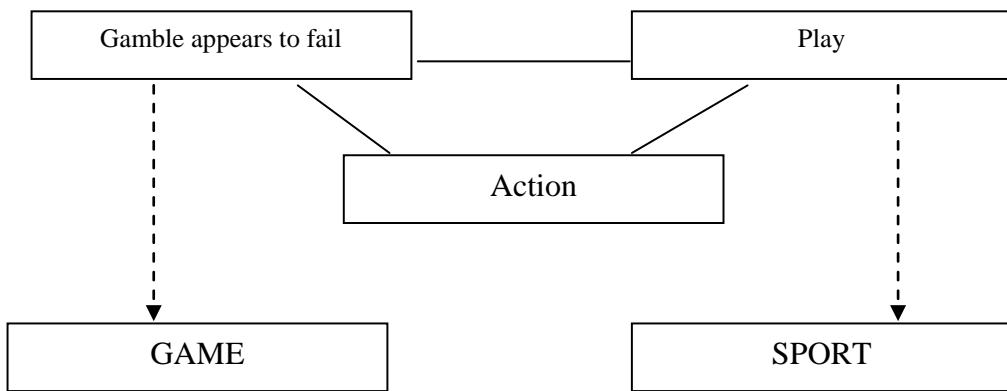

Рис. 3

*The fighting comes against a backdrop of an increasingly **acrimonious struggle** between Washington and Moscow over the future of nations that were once part of the Soviet Union and the Warsaw Pact.*

For much of the last two years, the Bush administration and Putin's government have been

*changed in **an escalating war of words** over U. S. plans to base a missile defense system in the Czech Republic and Poland.*

В вышеприведенных примерах характеризуются натянутые взаимоотношения между Россией и Америкой посредством ЛЕ, относящихся к понятийной сфере **война, борьба** (рис. 4).

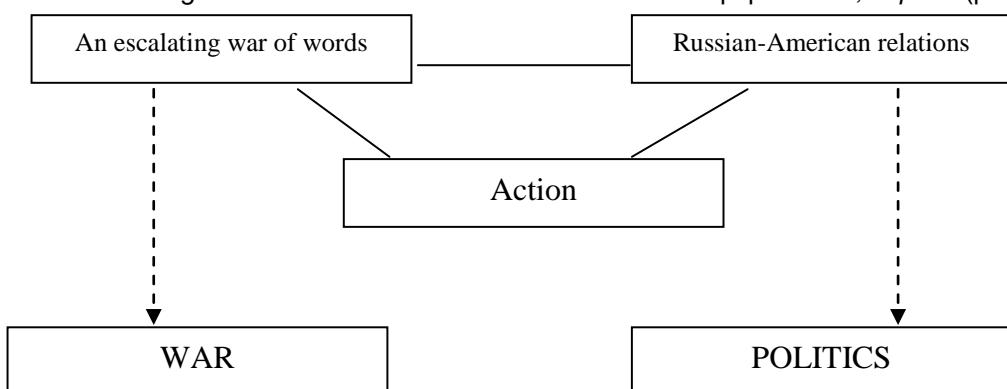

Рис. 4

*He turned this humiliation into another kind of triumph when he **paraded on the world stage** as a peacemaker equal to the superpower leaders negotiating with him [Time. 05.04.1999].* В данном примере метафорически имплицируется мысль о лицемерных действиях Милошевича, который пошел на уступки только ради сохранения собственной власти. Наличие лексики, относящейся к сфере театра, усиливает этот эффект и создает ощущение фальши и комизма проис-

ходящего. Милошевичу приписывается роль актера, играющего в комедии.

Еще один пример, относящийся к театральной сфере: *Some of these approximately 100,000 educated Afghans joined the mujahedin after the fall of **Moscow's puppet** Mohammad Najibullah in 1992 and are now powerful men in Afghan President Hamid Karzai's administration [Newsweek. 12.04.2010].* Представим данную модель схематично (рис. 5).

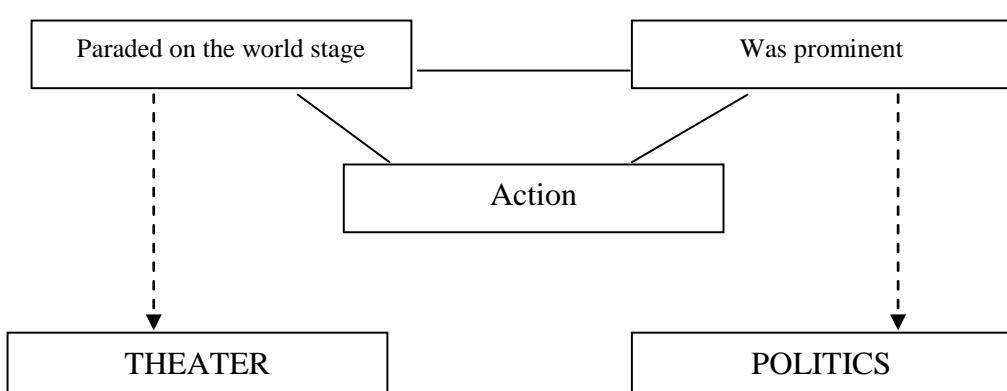

Рис. 5

АРТЕФАКТНАЯ МОДЕЛЬ (составляет 19 %). *Putin was plainly **at the helm of war**.* Со-

гласно данной ММ, В. Путин выступает как главное действующее лицо в событиях, про-

изошедших в Южной Осетии. Кроме того, имплицируется мысль, что хотя президентом является

Медведев, первую скрипку в государстве играет Путин.

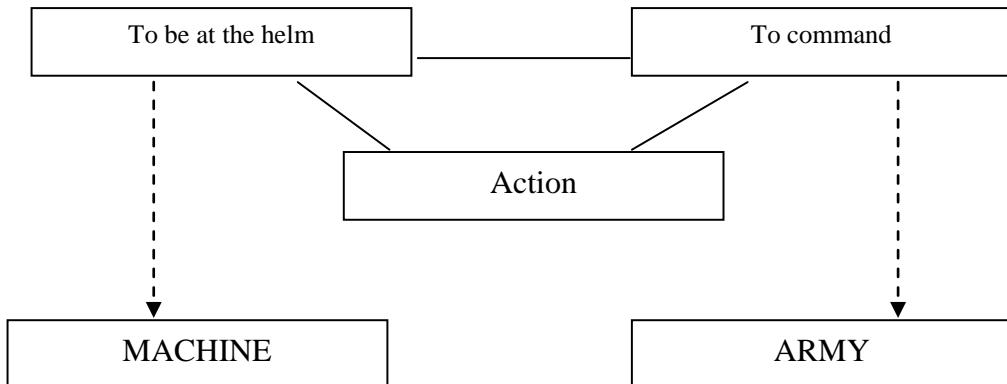

Рис. 6

Еще один пример, представляющий данную модель: *For now the official objective is to smash Milosevic's war machine so badly that it will be unable to continue its genocidal onslaught against the Kosovo Liberation Army and Kosovar villages*. Армия Милошевича сравнивается с военным механизмом, который нужно уничтожить для остановки геноцида невинных жителей.

Many found important jobs in the new resource-starved government, as they quickly became the building blocks of the Karzai regime [Newsweek. 12.04.2010]. В данном случае проводится аналогия со строительными блоками: подразумеваются новые работники свежеиспеченного правительства. Наряду с обозначенной моделью в этом же контексте вырисовывается пищевая метафора, выраженная посредством эпитета *resource-starved*, который объективирует признаки недостатка профессионалов в новом правительстве.

ПРИРОДОМОРФНАЯ МОДЕЛЬ (включает антропоморфную подмодель; составляет 19 %). Например: *Russia's swift invasion of Georgia appears to have met its goals: humiliating a neighbor that deigned to escape its sphere of influence, and proving that the Bear still has very sharp claws*.

British Prime Minister Gordon Brown said there could be no more "business as usual" with Moscow, and said all 27 member states were united in their condemnation of Russia's "aggression" against its smaller neighbor [Time. 13.08.2008]. Россия предстает в образе медведя, жертвой которого выступает Грузия, представленная соседом, пытающимся вырваться из лап хищника. Включение номинации *small* в метафорический сценарий соседства вносит дополнительную импликацию доминирования и давления России.

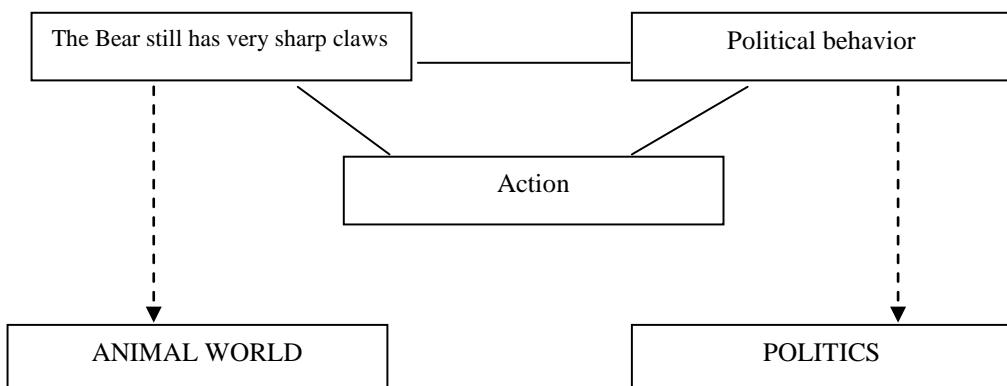

Рис. 7

The sight of thousands upon thousands of dazed, weeping refugees fleeing for their lives into the region's poorest, least stable states set off shock waves in the West. Аналогия, выявленная в данной модели, характеризует непредсказуемость, масштабы и силу данного воздействия.

Like a shark that has to keep moving to stay alive, he is willfully exposing the withered state of Serbia to the might of NATO for the sake of his own power [Time. 05.04.1999]. В рамках

данной модели мы видим, как Милошевич уподобляется акуле, идущей на все, чтобы оставаться на плаву. В то же время мы можем разглядеть антропоморфную модель, в которой Сербия сравнивается с живым существом (*withered*), отдавшим на растерзание войскам НАТО, и находящимся на грани исчезновения. *The Australian Prime Minister Kevin Rudd said he witnessed a heated discussion between the two leaders*.

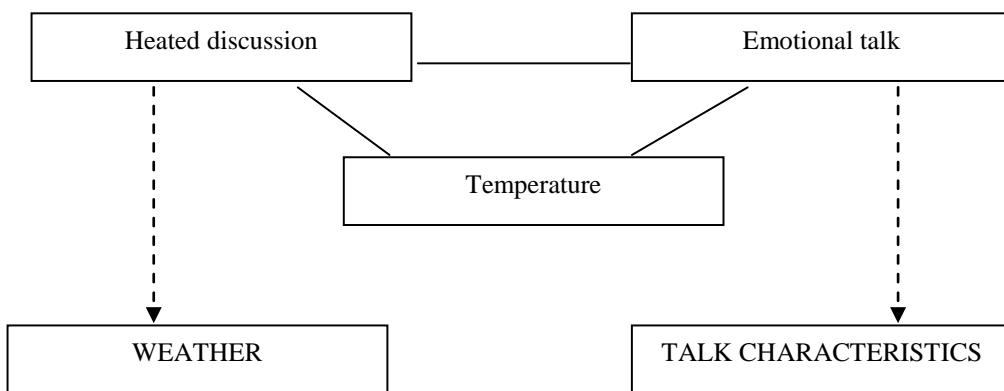

Рис. 8

В следующем примере можно увидеть метафорическое употребление ЛЕ *move closer to orbit*, в которой слова, взятые из понятийной сферы «космос», репрезентируют новый вектор направления в развитии отношений между Афганистаном и Россией: *Afghanistan's neighbors must shoulder more and more of the burden of helping fix its drug and infrastructure problems. If that means Afghanistan moving closer to Russia's orbit, then Washington, at least for now, seems to deem that a price worth paying* [Newsweek. 12.04.2010].

Проведенный нами анализ ММ позволяет увидеть, как определенный подбор ЛЕ, репрезентирующий факты реальной действительности, создает благоприятный фон, условия для манипуляции массовым сознанием, превращая заведомую ложь в безусловные факты, формируя у адресата определенную картину мира, выгодную адресанту. Проникая в глубинные сферы человеческого сознания, метафора методом селекции выделяет и организует характеристики субъекта, которые несут в себе нужные адресанту оттенки значения, ассоциации, вызывающие соответствующий эмоциональный отклик у адресата, подталкивая его к прогнозируемым адресантом действиям, и отсеивает другие, суггестивно влияя на восприятие информации адресатом.

Рис. 9

Из рассмотренных нами ММ наиболее частотной является антропоморфная модель, которая составляет 33 % от общей выборки. По нашему мнению, это обусловлено тем, что человек в большинстве случаев объясняет непонятные ему явления окружающей действительности исходя из собственных представлений о соотношении индивида и мира. Реже представлена социоморфная модель (в 29 % случаев), а наименее частотными моделями являются ар-

тефактная и природоморфная, примеры которых распределяются равномерно — по 19 %. В заключение отметим, что в каждой выделяемой по исходной понятийной сфере ММ содержится определенный дискредитирующий потенциал. Среди рассмотренных нами моделей наиболее выраженный негативный потенциал несет в себе криминальная метафора, принадлежащая антропоморфной сфере и основанная на ассоциативной связи мира политики с преступным миром. Практически любой из реализующих эту метафору контекстов можно отнести к числу дискредитирующих.

Основными тактиками, выявленными в рассмотренных метафорических моделях, являются тактика *косвенной «оценки» действий*, *косвенного намека на «негативные» действия*, *навешивания ярлыков, обвинения, критики, компрометации*. Посредством данных тактик осуществляется очернение политических оппонентов, лидеров и населения других государств, и т. д. Изучение конкретных тактик метафорического воздействия в медиатекстах политического дискурса требует отдельного подробного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Анисимова Т. В., Гимпельсон Е. Г. Современная деловая риторика: учеб. пособие. — М., 2001.

Базылев В. Н. Российский политический дискурс (от официального до обыденного) // Политический дискурс в России. — М.: Диалог; МГУ, 1997.

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс, 1994.

Блакар Р. М. Язык как инструмент социальной власти // Язык и моделирование социального взаимодействия. — М., 1987. С. 88—125.

Баранов А. Н., Казакевич Е. Г. Парламентские дебаты: традиции и новации. — М.: Знание, 1991.

Баранов А. Н. Предисловие // Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2008.

Бережная Т. М. Президентская риторика США в системе пропагандистского манипулирования общественным сознанием / Язык и стиль буржуазной пропаганды. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. С. 135—166.

Бисималиева М. К. О понятиях *текст* и *дискурс* / Филологические науки. 1999. № 2. С. 78—85.

Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. — Волгоград: Перемена, 1997.

Водак Р. Критический анализ дискурса: политическая риторика // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000.

Гаджиев К. С. Введение в политическую науку. — М.: Логос, 1997.

Герасименко Н. А. Информация и фасцинация в политическом дискурсе // Политический дискурс в России-2. — М., 1998.

Демьянков В. З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. — М.: Всесоюзный центр переводов, 1982. Вып. 2: Методы анализа текста.

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. — М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 116—133.

Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст: сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. — М.: Языки славянских культур, 2005. С. 34—35.

Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: учеб.пособие. — М.: Флинта; Наука, 2008.

Желтухина М. Р. Волонтативная функция комического в политическом дискурсе // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. — Волгоград: Перемена, 2000.

Желтухина М. Р. Политический и масс-медиальный дискурсы: воздействие-восприятие-интерпретация // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изатов. — М.: МАКС Пресс, 2003. Вып. 23. С. 38—52.

Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 4-е. — М.: УРСС, 2006.

Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград: Парадигма, 2007.

Киклевич А. К., Потехина Е. А. О суггестивной функции текста // Фатическое поле языка: Памяти проф. Л. Н. Мурзина. — Пермь, 1998. С. 114—127.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М.: URSS, 2000.

Кобозева И. М. К формальной презентации метафор в рамках когнитивного подхода // Труды международного семинара Диалог'2002 «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии». — М.: Наука, 2002. С. 132—149.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. — М.: URSS, 2000.

Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э. Искусство публичного выступления. — М.: Московский рабочий, 1988.

Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. — М.: Аспект Пресс, 1994.

Монаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс: межвуз. сб. науч. тр. — Ставрополь: Пятигорск. гос. лингв. ун-т, 2003. Вып. 1. С. 26—40.

Мурzin Л. Н. О суггестивно-магической функции языка // Фатическое поле языка: Памяти проф. Л. Н. Мурзина. — Пермь, 1998. С. 108—114.

Мясищев В. Н. Психология отношений. — М.; Воронеж, 1995.

Ножин Е. А. Мастерство устного выступления. — М.: Политиздат, 1989.

Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990. С. 68—81.

Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... докт. филол. наук.— Саратов, 2005.

Паршина О. Н. Российской политическая речь: теория и практика Изд. 2-е, испр. и доп. / под. ред. О. Б. Сиротининой. — М.: ЛКИ, 2007.

Паршин П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики // Scripta linguistical applicatae. Проблемы прикладной лингвистики / Ин-т языкознания РАН. — М.: Азбуковник, 2001. С. 181—207.

Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. — М.: Мысль, 1974.

Рикер П. Живая метафора // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990а. С. 435—455.

Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение // Теория метафоры. — М.: Прогресс, 1990б. С. 416—434.

Репина Е. А. Психолингвистические параметры политического текста (на материале программных и агитационных текстов различных политических партий конца 90-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 2001.

Серио П. О языке власти: критический анализ // Философия языка: в границах и вне границ. — Харьков: Око, 1993. Т. 1. С. 83—100.

Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип Причинности // Язык и наука конца 20 века: сб. ст. / Рос. гос. гуманит. ун-т. — М., 1995. С. 35—73.

Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — Минск: Белорус. фонд. Сороса, 1996.

Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Челябин. гос. ун-т. — Челябинск, 2004.

Филинский А. А. Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999—2000 гг.: дис. ... канд. филол. наук. — Тверь, 2002.

Черепанова И. Ю. Дом колдунья. Начала суггестивной лингвистики: в 2 ч. — Пермь, 1995.

Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. ст. — СПб.: Изд-во СпбГУЭФ, 2001. С. 11—22.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. Изд. 2-е, испр. — М.: Флинта; Наука, 2007.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000): моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — Волгоград: Перемена, 2000.

Brown G., Yule G. Discourse Analysis. — Cambridge Univ. Press, 2008

Статью рекомендуют к публикации член редколлегии Н. Б. Руженцева и проф. О. А. Алимурадов